

ФОТО ИЗ АРХИВА ЭММАНОЭЛА ЛИМОНОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ЭММАНОЭЛА ЛИМОНОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ЭММАНОЭЛА ЛИМОНОВА

глохнет, исчезает. В студии был камин, умело заштукатуренный и замаскированный. Я вскрыл камин, купил себе за 28 франков китайскую пилу и ходил с нею по Парижу, выскивая доски и бревна. Ибо электрический обогреватель пожирал множество франков.

Дом номер 54 был XVII века. Квартал назывался Маре, то есть Болото. Когда-то здесь-таки лежало болото. В доме была причудливо-фантастическая сантехника, поскольку в XVII веке, да и много позднее, французские дома строились без канализации. В XX веке трубы пустили по стенам, однако помогло это мало. Туалет в моей студии был снабжен электрическим моторчиком. По совершении естественной надобности я нажимал на кнопку, и содержимое унитаза выкачивалось через латунную трубку в вертикальную канализационную трубу, проложенную по стене дома. Следовало употреблять особую туалетную бумагу; если же я употреблял обычную, то латунная трубка закупоривалась и содержимое унитаза вдруг подымалось в старую сидячую ванну, кое-как прилаженную рядом с туалетом. Можно себе представить, сколько неудобств все это мне причиняло.

Камин приносил удовольствие. Если мне везло и я находил на улице бревно, то можно было и утром любоваться свечением сквозь пепел розовым жаром. Оказалось, камин в Париже — это обогреватель бедняков, а не роскошь богатых, как в России. Горячая вода могла быть согрета в баке, прилаженном под потолком над сидячей ванной, но бак обогревался электричеством, потому я редко включал его. Научился об-

ходить без горячей воды. Именно по причине дороговизны сантехнических удобств в средневековых зданиях французы менее чистоплотны, чем американцы. Французы пахнут и любят пахнуть.

Постепенно я убедился, что Париж — бедный город и что его трудно переоборудовать в богатый. Большинство домов имело туалеты на лестнице. Бачок высоко вверху, цепочка с ручкой, чтобы дергать для слива воды, металлическое шасси с двумя «сабо» для ног.

В 1981 году, осенью, к владелице студии на улице Архивов приехал племянник из провинции, он поступил учиться в Сорбонну, и старушка-мадемуазель (Но — была ее фамилия!) переселила меня жить в трехкомнатную квартиру на улице дез Экуфф, в еврейском квартале, в пятистах метрах от улицы Архивов. Эта квартира помещалась сразу в двух зданиях: спальня и прихожая непосредственно над аркой, ведущей в средневековый двор, а в жилую комнату, то есть в гостиную, нужно было спускаться по четырем ступеням деревянной лестницы. Там тоже был камин и тоже заштукатуренный, я вспорол и его. Туалетная комната за деревянной фанерной перегородкой была более пристойной, в ванне я мог вытянуть ноги. Однажды, когда ремонт соседнего дома спугнул из теплых нор обитателей подполья, мыши и крысы ринулись в мою квартиру. Квартира эта подробно обессмертена мною в книге «Укрощение тигра в Париже».

К новому 1985 году я переселился в 15-й аррондисман в большую квартиру в современном доме, слышимость там была удивительная, особенно в спальне. Когда сосед

В ПЕРВОЙ ПАРИЖСКОЙ ВАРТИРЕ НА RUE DES ARCHIVES

ЕЩЕ ОДНОЙ ТОЧКОЙ ОРИЕНТИРОВКИ

служили для меня три мои парижские квартиры. все три находились в 3-ем аррондисмане

сверху совокуплялся с супругой, мы на нашем ложе внизу (я и Наташа) могли слышать все детали. Улица называлась Поль Барвель, прожил я там всего полгода, и счастья она мне не принесла. Я тогда в первый раз рассорился с Наташей, и в июле мы разъехались по разным квартирам. Я снял розовую мансарду у буддистки Франсин Руссель на rue de Turenne, дом 86, а Наташа жила некоторое время в мастерской художника в Сите дез Арт, а косени переселилась на улицу Святого Спасителя, в квартал проституции, улица выходила на rue Saint-Denis, как раз в сердце квартала любовных утех. Жили мы по разным квартирам пол-

тора года, с июля 1985-го по первые числа января 1987 года. Однако мы постоянно общались, и я ходил ночами к Наташе по rue de Bretagne, пересекал бульвар Себастополь, входил в ее увеселительный квартал. Этот период хорошо иллюстрирует рассказ «Личная жизнь».

Rue de Turenne, 86 оказался моим последним адресом в Paris, хотя я и прожил там вплоть до марта 1994 года. Правда, годы с 1991-го были уже годами затухания моего парижского периода. Я провел их больше на войнах и в клокующей Москве. В Paris бушевала, блудила и страдала Наташа Медведева.